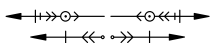

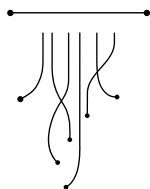

Даха тараторина

НАСЛЕДНАЯ ВЕДУНКА

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т19

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Внутренние иллюстрации
Толочко Ирины (tsir_) и Gamaun

Тараторина, Даха.

Т19 Наследная ведунка / Даха Тараторина. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. : ил. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-190014-4

Нет! Решительное нет! Не хочу приключений и не ведусь на обаятельную улыбку наглого вора! Одно плохо: ни вор, ни приключения моего мнения не спрашивают. А убийцы, нанятые таинственным недоброжелателем, появляются на пороге с завидным постоянством.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190014-4

© Тараторина Д., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

НЕТ ВЕРЫ МУЖИКАМ!

Труп моего бывшего оказался донельзя тяжёлым.

Не могу сказать, что предусмотрела это заранее. Я женщина эмоциональная, обидчивая. Сначала проклинаяю, а потом уже думаю. Ну так и он ляпнул лишнего, забыв воспользоваться головой по прямому назначению!

Я зло сплюнула, целя в дупло кряжистого дуба. Промазала. Бросила край мешка, за который волокла нелёгкую женскую долюшку, и приложилась к фляге.

Нет, в принципе, денёк выдался неплохой. Солнышко с каждым часом припекало всё отчётливее, вытапливая последние лежалые снежные комья из самых холодных и тёмных уголков леса, почки уже седмицу как сыто набухали, а птицы верещали так, словно не пару призывали, а требовали снижения налогов и свержения толстопуза с трона, как случилось каких-то три десятка лет назад. Я ностальгически прикрыла веки. Хорошие всё-таки были времена, весёлые! То тебя на костре сжечь пытаются, то притаскивают последние сбережения, чтобы отвести от деревни чуму... Нынче не то. Ведьма-нет, все чихать хотели! Ни уважения, ни развлечения.

Фляжка оказалась пустой. Я разочарованно перевернула её, потрясла... Нет, всё ещё пустая!

— Скотинушка! — ласково сообщила я мешку, самую точку, для порядка, пихая его носком сапога. Мешок оживаемо воздержался от ответа, поэтому я, ещё немного пощурившись на пронизывающие ветви золотистые лучи, вздохнула и потащила поганца дальше.

Нет, ну право слово! Неужели я просила слишком много? В конце концов, ведьма тоже женщина, Лиль мог бы и сам догадаться, что рано или поздно (а в моём случае это не имеет особого значения) я захочу замуж! Разве я так

требовательна? Не скандалила ведь, когда он бегал ночами к дочке конюха, возвращался с сеном в волосах и клялся, что всего лишь задремал подле любимой лошади! Ну про лошадь, положим, не соврал. Морда у этой дамочки та ещё... Мне уже достаточно годочков, чтобы не обманываться по поводу мужской верности. Хочешь разнообразия — развлекайся! Ну а я хочу накидку из заморских шелков, огромный каравай и чтобы соседки на сироп изошли от зависти!

Хороший муж он же что? Он же ничего для тебя не пожалеет! Хочешь платье новое — на; хочешь корону — выбирай к ней камень; хочешь пригласить подружек на свадьбу — надписи оскорбительные для их встречи держать станет.

Но Лиль, как выяснилось, не только человеком хорошим не был, так ещё и мужем становиться не собирался. «На таких, как ты, — говорит, — не женятся! Только погреться холодными вечерами и годишься». А нашёптывал ведь, обещал, мерзавец!

Не женятся на таких, как я, видите ли! Да я, между прочим, четырежды замужем была! И только двое из женихов шли к алтарю не по своей воле!

— Ну тебе-то чего надо? Не видишь, женщина горюет! — Я резко развернулась, безошибочно выделяя среди подгнивших пеньков самый разохшийся и здоровенный.

Пенёк закричал, заворочался, с некоторым трудом выкорчёвывая из земли тоненькие ножки.

— Ещё разок-другой так погорюешь, в Холмищах вообще мужиков не останется! — проворчал старикашка с зеленоватой, покрытой мхом бородой.

— Ничего, на твой век хватит, дедуля!

— Побойся Лесовки! Да я тебе в сыновья гожусь! — Обиженный Пенёк рванул ко мне в попытке доказать, что молод если не телом, так душой, но на середине пути у него прихватило поясницу, так что спесь пришлось подсбить. — Ить, старость не радость...

— И вечная молодость — гадость, — поддакнула я. — Есть подозрение, что всех нормальных мужиков я уже пережила. Только такие вот и остались.

Я для удобства заткнула подол юбки за пояс, присела на корточки, отодвинула мешковину, чтобы с некоторой

(весьма небольшой) долей сочувствия полюбоваться на смазливую физиономию в обрамлении чёрных, идеально уложенных поутру щипцами локонов. Бабуля бы, небось, на такого не купилась, а я... Век живи, как говорится, а ума не накопишь. Как не умела в людях разбираться, так и не умею. Нечего и пробовать.

Пенёк боязливо потыкал жертву ведьминой истерики веточкой.

— Зомбяком не станет, не? — уточнил он на всякий случай.

Я отмахнулась:

— Да нет... — и с лёгким сомнением, вспоминая, чего вообще намудрила на ритуале, добавила: — Не должен...

Посчитав ответ в меру отрицательным, дедко взгромоздился на грудь недвижимого тела и деловито сунул ветку ему в ноздрю.

— Ну и куда ты бедолагу теперь?

Я равнодушно пожала плечами. Ветер потрепал волосы, точно успокаивая, и я по привычке пригладила щекотные кончики. Нет, длинные всяко удобнее, не стоило отрезать. Ну да ладно, зато издалека видать, что ведунка идёт. Ведь только она осмелится, насмехаясь над традициями, обкорнать косу под самый затылок. Было бы что терять...

— Прикопаю где-нибудь, что ещё?

— Угу, аккуратно к утру копать закончишь. — Дедуля подёргал бывшего за уши, пощёлкал пальцами перед глазами — нет, не реагирует. — К послезавтрашнему.

Я небрежно оперлась на лопату. Копать и правда не хотелось.

— И что предлагаешь?

Не доискавшись признаков жизни у Лиля, Пень прикрыл его мешком и укоризненно покачал заросшей ковылём головой.

— Там, к ручью ближе, бесхозная медвежья берлога. Пошли покажу.

— Ну, показывай...

Поднатужившись, я таки доволокла тело до места. Собиралась сделать это торжественно, даже полную упрёков речь подготовила, но так измоталась и хотела пить, что по-

просту пнула мужика в яму. Сверху остались торчать красные щегольские сапоги.

Я любила тебя, самодовольный ублюдок. Так, как только может любить уже многожды обжѣгшаяся о жизнь женщина. И, честное слово, я могла бы сделать тебя счастливым. Если бы ты захотел...

«Только погреться холодными вечерами и годишься...»

Ты не представляешь, как иногда недостаёт именно этого.

Я вдохнула как могла глубоко, подавив всхлип. Старик точно не расскажет никому и не станет смеяться, но оставаться сильной нужно даже наедине с собой. Тогда, возможно, — через много, очень много лет — сама начнёшь в это верить.

Хотя бы запах не меняется. Каждую весну — десять, пятьдесят, сто лет назад... Он всегда именно такой. Сладкий, липкий, душистый, полный надежды. Каждый год весна заставляет меня глупо на что-то надеяться.

Красные щегольские сапоги дрогнули, и я едва подавила порыв хорошенько припечатать их лопатой. Вместо этого для вида накидала сверху немного земли, по большей части состоящей из перегноя и прелых листьев, и заключила:

— Надо бы помянуть засранца, как думаешь?

— Это уже без меня, — скривился Пенёк и пояснил: — Люди — мерзкие.

— Не могу не согласиться, — усмехнулась я. — И именно поэтому с ними интересно иметь дело.

Я закинула лопату на плечо и, не оборачиваясь, потопала обратно к городу.

* * *

Ворота так и остались настезь. Пришлось опереться плечом о столбик, заодно переводя дух и скрывая позорную одышку, чтобы стражники обратили на меня внимание. Один, опустивший нагретый солнцем шлем на нос, только глянул и равнодушно мотнул головой: проходи, мол; второй, лениво перебрасывающий кости с кем-то скрытым широкополой шляпой, приветливо поздоровался.

— А чего без мешка? — чтобы хоть разговором развлечься, поинтересовался он.

Я удивлённо приподняла брови.

— Ну как же? Ещё утром честно сказала, что труп хоронить иду.

Верно. Так и сказала. Мужики тогда захохотали, выпуская меня из города, и не подумали взаправду осмотреть: ведьма, что с меня взять... Не поверили и теперь.

— Да тьфу на него, на труп-то! Мешок хороший был, могла бы и побереечь! — всё так же добродушно захехекал мужичок, локтем тыкая приятеля, чтобы похвалил шутку. Но тот ничего не ответил, взгляда не поднял. Бросил кости — ровнёшенько три шестёрки. Жулик!

Уже когда я, вежливо обсудив со стражником погоду и возможность за небольшую плату призвать дождь над огородом его бабки («Но токмо так, чтоб к соседке не попало!»), отошла, он окликнул снова:

— Варна! Эй, Варна! Ты выпить идёшь сегодня?

А что? Прохладный квас или кружка пива были бы не лишними. Так сказать, залить горяшко. Да и вообще в «Трёх елях» хмельное вкусное.

— Посмотрим. А что?

— Да не, ничего! — смутился охранник. — Искали тебя просто. Сказал, захаживаешь вечерами.

Я не стала расспрашивать, кто да зачем. Искали — найдут. Через недельку землю сушить начнёт, так я вообще всем понадоблюсь: кто же ещё с Тучей договорится? Меня подкупить всяко дешевле, чем божество задабривать. Так, не забыть взвинтить цены...

Вообще пиво и правда хорошая идея. Дома, конечно, тоже закрома не пустые, но ноги сами привели к излюбленной харчевне. Кивнув паре знакомцев и втихаря передав корчмарю примочки от чирьев, я получила сыто булькающий запотевший кувшинчик и целую миску солёных крендельков за счёт заведения. Устроилась за столиком у окошка, который всегда старались сохранить в чистоте и незанятым — для вашей покорной слуги. Пузо, как ласково прозвали владельца заведения, держал слово и бесплатно меня угощал. Я же, в свою очередь, держала в секрете от его жены причины болячек, которыми он обзаводился с завидной частотой и ежегодно пролечивал не без моей помощи. Обозначенная жена, кстати, тоже не гнушалась ворожкой:

то проклясть супруга на недельку жесточайшим поносом, то отсушить язык излишне говорливому любовнику. Но об этом я уже не считала нужным докладывать Пузу.

Местечко всё ж приятное. Сколько его помню, всегда таковым и оставалось: темноватым, сыроватым, душноватым, из-за чего приходилось приоткрывать ставни даже в лютый мороз. Но никто не жаловался. Холод лишь повышал спрос на горячее вино зимой и неизменно проигрывал в упрямстве завсегдатаям.

Сегодня и вовсе красота. Тёплый сквозняк шевелит волосы, кренившееся к закату солнце бросает алые блики на цветное стекло и растекается медовым сиропом по столу, смешивается с золотистым пенным, капает на колени. Я довольно зажмурилась и приложила к кружке, чтобы, опустив её, иметь сомнительное удовольствие лицезреть ввалившегося в харчевню бывшего. Измазанного землёй, страшно воющего, кашляющего и тянущего в сторону своей убийцы желтоватые пальцы...

Неужели всё-таки напутала с проклятьем? Я наморщила лоб и зашевелила губами: засушенная лягушка (по рецепту требовался лягух, но досматривать окоченевший трупик я поленилась), молоко с каплей крови, прядь волос обречённого... Может, проблема в том, что Лиль волосы подкрашивает? Ну так у него седых всего пара прядей, не больше, вред ли именно они попались...

— Ты! — взвыл полюбовничек, схватил с ближайшего стола кувшин и опрокинул в охрипшую пересохшую глотку. — Ты убила меня!

О, так он разговаривает? Значит, всё-таки не зомбьяк... Эх, зря с Пеньком на деньги не спорнула!

Я забросила кренделёк в рот и сосредоточенно им захрустела. Ошарашенный таким пренебрежением женишок был вынужден подойти поближе и повторить обвинение. Я окинула его любопытствующим взглядом.

— По мне, так ты вполне себе живой.

— Ты похоронила меня! — Лиль попытался завладеть моей кружкой, но я вовремя подтянула её за ручку. — Уби-и-и-ила!

— Если бы хотела убить, любимый, ты бы уже не откопался, — заметила я. — Всего лишь маленькое заклятие

окоченения и небольшой урок на будущее. Думаю, из него и так следует, что я тебя бросаю, но, если ты вдруг не понял, — я приложила ладонь тыльной стороной ко лбу и рыдала на радость публике, — между нами всё кончено, неверный!

Однако трагичное расставание его несколько не демотивировало.

— Ты похоронила меня заживо!

Я немного отодвинулась, чтобы осыпающаяся с бывшего земля не замарала сапоги. Едва вычистила их после прогулки по лесу, не хватало всё сначала начинать! Пришлось уточнить:

— Ну неглубоко же...

Однако мои манёвры Лиль счёл попыткой отступить и восторжествовал, топоча, как капризное дитяtko, и пачкая пол к неудовольствию жены Пуза — редкостной чистоплюйке!

Некогда холёные, а ныне грязные и исцарапанные пальчики сомкнулись на воротнике моей рубахи. Я вырваться не стала, заставив тем самым красавчика несколько смутиться, а прямо-таки с научным интересом принялась рассматривать кавалера: и что дальше делать будем?

Ола, жена Пуза, в обнимку со шваброй выросла за спиной чумазого Лилия и принялась ожесточённо тереть пол, видимо, надеясь стереть с него не только грязные следы, но и их источник.

— У тебя всё хорошо, детонька? — озабоченно поинтересовалась она.

«Детонька»! Я тебе первые режущиеся зубки заговаривала, Ола!

Я выглянула из-за плеча Лилия, не пытаясь освободиться, и заговорщицки приложила палец к губам:

— Тш-ш-ш! Мне тут обвинения зачитывают!

Женщина понимающе кивнула и продолжила намыывать пол у щегольских красных сапог. На месте Лилия я бы очень осторожно обходила мокрые участки: за сутки его уже один раз хоронили, а ожить сразу дважды — неоправданное везение.

Восставший из мёртвых осторожно, неуверенно и, видимо, примеряясь, встряхнул меня за грудки. Я изобрази-

ла муки совести, чем побудила пострадавшего продолжить поиск справедливости.

Раз уж в моём декольте её, справедливости то бишь, не обнаружилось, пришлось прибегнуть к общественному порицанию.

— Люди... — Лиль озирался в поисках поддержки. — Люди! Неужели вы не видите?

Люди видели. Некоторые не поленились передвинуть стулья поближе, чтобы не упустить ни одной сочной детали.

— Она же... ведьма!

Я покаянно развела руками: ведьма и есть. Хотя, конечно, предпочла бы более традиционное «ведунка».

Со всех сторон раздался громогласный смех.

— Да что ты говоришь?

— И как это ты заметил?

— Ишь, какой умный! Сам догадался али подсказал кто?

Я едва сдерживала хохот, Лиль — истерику. Всё-таки самое болезненное место для ударов у мужчин — гордость. Он раскраснелся, как ароматный, сочный варёный рак... Гм, раки. Жаль, не сезон, а то сейчас бы под пиво хорошо пошли...

Не стоило отвлекаться. Он всё-таки предпочёл выставить себя полным идиотом и замахнулся в недвусмысленном желании разбить мне нос: неумело, но действительно.

И тут явился Он. Мой герой, спаситель... Тьфу! Незванный придурок явился.

— Как смеешь ты поднимать руку на прекрасную даму?!

Он пнул дверь, не зная, что Пузо с первого тепла и до осени приделывает к ней верёвочку, чтобы держать не притворённой. Верёвочка натянулась, тренькнула и лопнула, дверь с удвоенной пинком скоростью понеслась навстречу самодовольной роже вошедшего. Тот поспешно отпрыгнул, налетел на стол, опрокинул блюдо с мясным пирогом. Блюдо поймал на лету, а покотившийся пирог пришлось внаклонку догонять, подбирать, отряхивать и водружать обратно.

— Это ваше? Нет? Да? Прошу прощения! Вот так... Теперь как новенький. Что это? Пылинка? А мы её снимем и отбросим. Ну вот! — Он протёр хрустящую корочку рукавом длинного кожаного плаща, который я заприметила

